

то, что университет продает меценату право на именование, престиж, а также видимость дружбы с интересными людьми, — является табу. На сам обмен лишь имплицитно намекается, с полным соблюдением ауры коммунальности, а реальные условия откладываются до стадии под названием «мои люди позвонят вашим людям». И, как и при уходе в сторону, иногда стороны становятся действительно хорошими друзьями.

Со своей стороны, угрозы, как правило, скрыты за импликациями по двум причинам. Одна нам знакома: откровенно говорящий вымогатель выдает себя и тем самым рискует понести правовое наказание точно так же, как и взяточник. Однако он также сталкивается с риском, что мишень ответит на его блеф, отразив угрозу. В целях поддержания репутации, от которой зависит его благополучие, вымогатель будет обязан выполнить угрозу, что может быть рискованным и дорогостоящим, но не имеет никакого смысла после того, как цель ее — заставить мишень сделать то-то и то-то, — не была достигнута. Имплицитная угроза решает сразу обе проблемы. Если угроза не озвучена, вымогателя сложнее призвать к ответу, а если ее (угрозу) проигнорировали, то он может сделать выбор в пользу непретворения ее в жизнь, не отступая от своих слов и не подрывая этим доверия к собственной персоне. Английский язык предоставляет особенно удобную возможность: ингерентную двусмысленность будущего времени между будущностью и волеизъявлением (мы рассматривали это явление в четвертой главе). «Если вы не подпишете контракт с нашей компанией, занимающейся грузоперевозками, ваш профсоюз начнет забастовку» всегда может быть представлено как предсказание будущего, а не заявление о намерениях. Еще один пример изобретательности можно найти в «Крестном отце II». Фрэнк Пентангели вот-вот должен дать показания против Майкла Корлеоне на слушаниях в Конгрессе, и он находится в изоляции под присмотром ФБР, чтобы избежать угроз в свой адрес. Майкл появляется в зале в компании брата Пентангели, только что прилетевшего из Сицилии, прямо перед лицом Пентангели, который вот-вот приступит к даче показаний. (Том Хаген объясняет: «Он пришел, на свой страх и риск, помочь брату в беде».) Фрэнки быстро отказывается от своих слов.

То, каким образом Корлеоне замаскировал свою угрозу — лишь фактом присутствия брата на суде, — это один из множества способов, с помощью которых люди решали проблемы передачи послания тогда, когда слова прозвучали бы неловко или были бы небезопасны. В своей автобиографии Роджер Браун объясняет схему выигрыша, с которой приходилось сталкиваться мужчинам-гомосексуалистам в 1950-е гг., когда он сам был студентом университета; он также рассказывает о том, как решалась проблема идентификации в мужских туалетах, которые они посещали:

Нужно было принести книгу и, сидя на толчке, с закрытой дверью, читать настолько сосредоточенно, насколько это возможно, учитывая, что сидишь в засаде. Когда дичь появляется и расправляет перышки в соседней кабинке, вы бросаете читать и начинаете концентрироваться на ноге и голени, которые вам видны. Определенное количество движений или постукиваний ступней по полу может считаться бессмысленным неврологическим переизбытком. Вам же нужно следить за тем, **как именно** движется ступня. Существует несколько поддающихся интерпретации типов движений, но самый простой — если ступня упорно движется по направлению к вашей собственной; сначала большой палец, затем пятка, продвигаясь совсем по чуть-чуть, никогда не в той степени, что могла бы обернуться вызовом или быть заметным кому-то, кроме самых верных криптоаналитиков. Самый кошмар — это низкий голос, произносящий: «Эй, братан, в чем дело?..»

В вашей же собственной кабинке ваша ступня должна двигаться точно в той же манере, что и ступня приятеля из соседней кабинки, продвигаясь по чуть-чуть в его направлении. В конце вас ожидает неизбежный Рубикон. Либо один, либо второй должен рискнуть... пойти на **контакт**. На самом деле риск не так уж и велик; если столь же добровольного давления со стороны компаньона не наблюдается, практически за все остальное можно извиниться. Однако если давление проверено и взаимно, подобная сцена наполняется электричеством эротического потенциала^[52].

Изобретательность подобных ухищрений демонстрирует, что имплицитурны используют всю гамму социального интеллекта и не ограничиваются интерпретацией только лишь языка.

Пройти тест на смех: логика не слишком убедительного отрицания

Одна проблема так и остается не решенной: психологическая важность того, является ли предложение официальным или неофициальным в ходе повседневной беседы. Вопросы возникают в случаях, когда верны два обстоятельства. Во-первых, проблема идентификации решена, и каждая сторона знает о намерениях другой. Во-вторых, имплицатура бывает настолько очевидной, что не оставляет ни малейшего сомнения в сознании слушающей относительно своего значения. Гравюры, отмена брони, лидерство, возможность несчастных случаев — все они являются прозрачными уловками, поэтому никакая «возможность отрицания» на самом деле не возможна: она не пройдет «теста на смех». В зале суда стандарт доказательства вины, не оставляющего разумных оснований для сомнения, в особенности в тех случаях, когда свобода слова является предметом спора, может объяснить, почему иногда даже малейшая возможность отречься от чего-то может освободить человека от ответственности. Почему же нам нужно вести себя

как адвокатам ответчика в нашей повседневной жизни? Почему же для метрдотеля, который принял взятку, было бы хуже, если бы его клиент выразил свое предложение недвусмысленно? Почему спонсору не понравилось бы прямое прошение о пожертвовании, оформленное в качестве «баш на баш», если в глубине души он, наверное, знает, о чем идет речь? И почему отвергнутая сексуальная инициатива является более неприятной для нас, если она была высказана в виде смелого и конкретного предложения, нежели выражена при помощи прозрачного намека или языка телодвижений?

Как и во многих других случаях общения между людьми, динамика соблазнения является слишком тонкой и высокочувствительной материей, чтобы ее можно было бы воспроизвести искусственно в химической лаборатории. В таких случаях нашей лучшей методологией может быть своего рода мыслительный эксперимент под названием «комедия манер», где правдоподобные персонажи разыгрывают перед нами негласные правила социального общения. Гарри, встретив Салли всего лишь несколькими часами ранее, неверно рассчитал оптимальный уровень уклончивости, высказавшись о ее внешности, и Салли обвинила его в том, что он домогается ее:

Гарри: Что? Мужчина уже не может назвать женщину привлекательной без того, чтобы это считалось домогательством? Ладно, ладно. Предположим, спора ради, что это и было домогательство. Что же мне теперь с этим поделать? Я беру свои слова обратно.

Салли: Ты не можешь взять их обратно.

Гарри: Почему?

Салли: Потому, что они уже сказаны.

Гарри: О, боже. Ну, и что мы теперь должны делать? Вызывать копов? Слова уже сказаны!

В чем именно состоит концессия того, что предложение «уже сделано», настолько, что его «нельзя взять обратно»? Как подмечает Гарри, не вызывать же копов.

Хотя многие черты имплицатуры могут использовать общие процессы рациональной инференции, в конце концов мы сталкиваемся с чем-то в сознании людей, что относится к самому языку. Выражение чувства в виде высказывания — прямо, открыто, недвусмысленно — имеет значение. Некоторые вещи, будучи сказаны однажды, уже никогда не станут произнесенными.

В случаях, которые мы рассмотрели, одна или обе стороны желают сохранить взаимоотношения того типа, который соответствует буквальному смыслу того или иного предложения (мужчина и женщина являются друзьями и коллегами, метрдотель — авторитетным лицом, спонсор и декан — приятелями), и при этом будучи занятыми настоящим делом (сексуальное домогательство, взятка, пожертвование),